

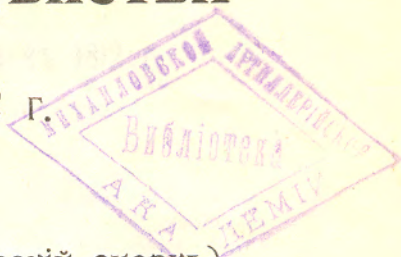
9/4/1

Проверитъ издатель

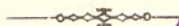
КУРЛЯНДСКІЯ

„ДѢЙСТВА“

въ 1812 г.

(Историко-политическiй очеркъ).

1956

1944 г.

ФУНДАМ. БИБЛИОТЕКА

**Военно-Технической Академии
РККА им. г. ДЗЕРЖИНСКОГО**

Шифр Д- 8069

2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «РОССІЯ». Бассейная, 3.

1908.

Балтійская окраина въ 1812 г.

(Историко-политическій очеркъ).

I.

Русское общество въ 1812 году.—Окраины. Польша и Литва. Балтійскій край. Курляндія и ея прошлое.—Присоединеніе ея къ Россіи.—Ея двухсмысленная роль въ эпоху Отечественной войны. Высокія требованія, предъявленныя къ русскому патриотизму. Дѣло Бестужева-Рюмина.

Отечественная война была великимъ испытаніемъ русскаго народа, которое онъ выдержалъ съ неслыханной самоотверженностью. Крестьянство, не соблазнившееся наполеоновскими прокламаціями и возможностью получить свободу изъ рукъ врага, соединилось въ патриотическомъ порывѣ съ русскимъ образованнымъ обществомъ, въ средѣ котораго было не мало недовольныхъ правительствомъ и мечтавшихъ о великихъ государственныхъ реформахъ. Никому, однако, изъ русскихъ людей, за ничтожными исключеніями, не приходило въ голову, какъ бы ни было сильно его недовольство окружающимъ, каковы бы ни были его политическія убѣжденія,—воспользоваться несчастіемъ родины для осуществленія своихъ мечтаній. И Вольтеръ, и Руссо, и декларация правъ человѣка, и масонство—все было забыто передъ лицомъ грозной отечественной опасности,

и будущіе декабристы не думали на развалинахъ родины, разгромленной иноземцемъ, создавать черезъ народное бѣдствіе, обновленный строй Россіи.

Иначе отнеслись къ нашествію Наполеона наши ино-племенные окраины. Здѣсь мы не видимъ того патріотическаго подъема, которымъ было охвачено сердце Россіи. Наблюдается, напротивъ, выжидательная осторожность, стремленіе создать такое положеніе, которое обезпечивало бы одинаково выгоды мѣстнаго общества при успѣхѣ той или другой изъ воюющихъ сторонъ. Говоря объ окраинахъ, мы, конечно, должны исключить Польшу, перешедшую открыто въ ряды враговъ Россіи, и Литву, въ значительной степени примкнувшую къ мятежной конфедераціи. Мы имѣемъ въ виду только наши Прибалтійскія губерніи, гдѣ именно проявилась та двойственная политика, которая не даетъ, правда, возможности подозрѣвать въ измѣнѣ, но во всякомъ случаѣ не свидѣтельствуетъ объ особомъ патріотизмѣ и тѣсной связи съ русскимъ государствомъ, если не кровной, то, по крайней мѣрѣ, по духу. Эта частная подробность войны 1812 г. до сихъ поръ не получила достаточной научной обработки и, даже, напротивъ, Курляндія выставляется нѣкоторыми историками, какъ примѣръ преданности Россіи, не смотря на видимые успѣхи оружія Наполеона *).

Съ формальной точки зрѣнія Курляндія безупречна. Она была занята неприятелемъ, не имѣя возможности оказать ему сопротивленія. Митавскій гарнизонъ, часть военныхъ припасовъ и казенныя деньги были своевременно перевезены въ крѣпость Ригу, надъ которой на-

чальствовалъ генераль Эссенъ. Во время подготовленій къ войнѣ съ Наполеономъ Курляндія наряду съ другими губерніями участвовала въ снабженіи войска продовольствіемъ.

Исторія отечественной войны разрабатывалась пока лишь въ смыслѣ „Кампаніи 1812 г.“ и самое большое, какъ актъ „большой политики“, рѣшившей дальнѣйшія судьбы Европы. Бытовая жизнь и общественныя отношенія въ эту исключительную эпоху получили свое отраженіе лишь въ произведеніяхъ художественной литературы (Толстой, Данилевскій, Мордовцевъ и др.), въ которой личный взглядъ автора властвуетъ надъ правдивостью фактовъ. Между тѣмъ только всестороннее и глубокое изученіе именно бытовой жизни образованнаго класса и народныхъ массъ и даетъ возможность правильно судить о величайшей въ мірѣ борьбѣ не только двухъ могущественныхъ владыкъ того времени и ихъ армій, но и двухъ національныхъ началъ, понимаемыхъ разнo на Западѣ и Востокѣ. Опубликованіе такихъ матеріаловъ, касающихся именно бытовой стороны этой эпохи должно оказать цѣнную услугу будущимъ историкамъ 1812 года, которые прониклись бы мыслью увѣковѣчить великую эпоху народнаго самосознанія въ сочиненіи, продиктованномъ и умомъ, и сердцемъ дѣйствительно русскаго человека.

Изъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ войной 1812 г. не малое мѣсто занимаетъ отношеніе къ народному бѣдствію окраинъ не съ вѣшной, формальной стороны, а по духу, выражающему истинную связь инородцевъ съ господствующей націей, не живое чувство присоединенныхъ или добровольно присоединившихся когда-то самостоятельныхъ государствъ къ Россійской Имперіи. Курляндія въ этомъ смыслѣ представляетъ особый интересъ. Польша подверглась раздѣлу

*). Отечественная война. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. Спб. 1840. Т. I, стр. 402).

въ силу исторической необходимости и помимо иных причинъ, просто даже вслѣдствіе географическаго своего положенія, такъ сказать, на большой дорогѣ вѣковыхъ столкновеній между Западомъ и Востокомъ, она должна была или стать передовымъ оплотомъ одной изъ сторонъ честно и открыто, или потерять самостоятельность. Но Польша издавна отличалась непониманіемъ своего международно-политическаго предопредѣленія быть государствомъ буферомъ, забывала, что ее не окружаютъ горы, какъ Швейцарію, вела не искреннюю политику національнаго межеумства, заигрывая съ Западной Европой и враждуя съ родственнымъ по крови народомъ. Тѣмъ не менѣе, съ узко-національной точки зрѣнія легко понять это стремленіе Польши къ большей самостоятельности, эту мечту, не оставляющую и донынѣ польское народовство. Воображеніе поляковъ было всегда возбуждено политическими фантазмагоріями, за которыя имъ приходилось жестоко расплачиваться. Если къ этому прибавить политическую наивность, заставлявшую рассчитывать, что Наполеонъ въ гордынѣ себялюбивыхъ замысловъ очень озабоченъ восстановленіемъ Польши и хочетъ исправить „историческую несправедливость“, то психологія польскаго общества 1812 г. становится совершенно понятной.

Въ дѣйствительности Наполеонъ использовалъ Польшу, какъ мятежный противъ Россіи очагъ, несколько не интересуюсь дальнѣйшими судьбами польскаго народа. Такъ пользовался онъ всѣми средствами въ своей наступательной политикѣ вплоть до фальшивыхъ ассигнацій и революціонныхъ прокламацій, продиктованныхъ устами царственнаго авантюриста, признающаго только свою личную волю. И Польша, отдавши огромныя народныя силы Наполеону въ борьбѣ его съ Россіей, сы-

грала жалкую роль увлекающейся и обманутой женщины въ рукахъ геніальнаго авантюриста.

Литва потянулась за Польшей, т. е. строго говоря, въ политическую авантюру была вовлечена Польшей, благодаря тому, что литовскіе помѣщики издавна оплочились, а народъ не пришелъ еще къ національному самосознанію, которое впоследствии (въ эпоху польскаго мятежа 1863 г.) указало ему, кто его врагъ и кто другъ.

Но совершенно иначе обстоитъ дѣло съ Балтійской окраиной. Герцогство Курляндское естественно вошло въ сферу русскаго вліянія съ тѣхъ поръ, какъ Петръ „пробилъ окно въ Европу“ у береговъ Балтики. Курляндія съ этого момента вовлечена въ интересы русской политики и далеко не во вредъ себѣ. Понимая ея значеніе для будущаго, Петръ рѣшилъ установить связь съ нею путемъ брака молодого герцога Курляндскаго, послѣдняго изъ рода Кеттлеровъ *) съ племянницей своей Анной Иоанновной, которая, не смотря на внезапную смерть своего супруга по дорогѣ въ Митаву, подчинилась тѣмъ не менѣе приказу дяди ѣхать въ Курляндію и жить тамъ въ качествѣ вдовствующей герцогини, пользуясь въ дѣлахъ правленія совѣтами русскаго резидента Вестужова **). При вступленіи на престолъ Анна Иоанновна привезла съ собой Бирона, сдѣлавшагося потомъ герцогомъ Курляндскимъ и на русскіе милліоны украсившаго Митаву знаменитымъ дворцомъ. Пока существовала самостоятельная Польша, Курляндія признавала надъ собою ея суверинитетъ, но послѣ окончательнаго раздѣла вѣчно-мятежнаго русскаго сосѣда,

*) Герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ † въ 1711 году.

***) Петръ Михайловичъ Вестужевъ-Рюминъ, отецъ знаменитаго канцлера Елизаветы.

оплотъ остзейскихъ бароновъ почувствовалъ себя въ всячемъ положеніи, такъ сказать, безъ покровителя, который бы охранялъ ея спокойствіе, самобытность и матеріальные интересы. Поэтому въ 1796 г. Курляндія добровольно присягнула Россіи, и въ ней было введено общерусское управление губерній.

Такимъ образомъ, въ прошломъ Курляндія отнюдь не могла жаловаться на какую-либо историческую обиду и питать иное чувство, кромѣ благодарности къ Россіи, охранявшей съ особой заботливостью права и преимущества чуждыхъ ей по крови потомковъ нѣмецкихъ рыцарей, когда-то воевавшихъ съ русскими и недопускавшихъ ихъ утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря.

Ставши русской губерніей, Курляндія рѣшительно не могла раскаиваться въ своемъ добровольномъ подданствѣ, и въ дни бѣдствія русскаго народа отъ нея можно было ожидать большаго патриотизма, чѣмъ она проявила въ дѣйствительности.

Но если мы позволили себѣ сравнить Польшу съ пылкой, неразсчетливо увлекающейся женщиной, то относительно Курляндіи невольно напрашивается сравненіе съ невѣстой, осторожно и осмотрительно разсчитывающей шансы желаннаго брака по разсчету. Въ 1812 г. Курляндія растерялась и впала въ сомнѣніе, тому ли господину отдала она руку и сердце, и не наступило ли время развода и новаго, болѣе выгоднаго союза.

Поворотъ счастья въ войнѣ и отступленіе Наполеона вновь обратили Курляндію къ прежнему господину, и, когда наступила ликвидація 1812 года, были употреблены въ дѣло самыя искреннія завѣренія въ преданности Россіи и даже въ геройскомъ самопожертвованіи въ минуту народнаго бѣдствія. Цѣну этихъ пресловутыхъ подвиговъ мы сейчасъ увидимъ; сказанія о нихъ

едва прикрываютъ многочисленныя просьбы о вознагражденіи понесенныхъ убытковъ.

Мы далеки отъ того, чтобы строго осуждать Курляндію за ея разсчетливую, выжидательную политику въ 1812 г. Маленькое герцогство заботилось лишь о себѣ, и въ концѣ концовъ ему было рѣшительно все равно, числится ли русской губерніей или провинціей, входящей въ составъ всемірной французской Имперіи. Лишь бы не затрагивали баронскихъ привилегій, самобытнаго склада жизни, да не потерпѣть убытковъ отъ столкновенія большихъ державъ.

Быть можетъ, „подъ франгузомъ“ существовать даже удобнѣе и выгоднѣе, чѣмъ въ связи съ этимъ варварскимъ, некультурнымъ народомъ, который, чего добраго, еще начнетъ вводить въ странѣ бароновъ свои русскіе порядки. Послѣдствія показали, впрочемъ, что Курляндія по пословицѣ, „родилась въ сорочкѣ“ и была официально признана вѣрной и достаточно патриотичной для милостиваго забвенія французскихъ увлеченій. Волѣе того, Остзейскій край благополучно продолжалъ оставаться питомникомъ истинно-русскихъ дѣятелей нѣмецкаго происхожденія.

Нѣкоторымъ оправданіемъ Курляндіи служить, конечно, и то обаяніе силы и успѣха, которое повсюду сопровождало Наполеона. Это обаяніе не отразилось, однако, (за самими ничтожными исключениями) на русскомъ народѣ, съ которымъ образованное общество и самъ Государь слились въ одномъ рѣшеніи: никакихъ переговоровъ съ непріятелемъ, никакихъ сдѣлокъ и соглашеній! И въ эту исключительную народную войну чуть ли не измѣной считалась даже одна мысль о перемиріи и обмѣнѣ плѣнныхъ. Императоръ Александръ высказалъ свое недовольство Кутузову за одинъ приѣмъ Лористона послѣ занятія французами Москвы, хотя

свиданіе это было для Наполеонскаго посла во всѣхъ отношеніяхъ неудачно и даже унижительно. Тѣмъ не менѣе русскій Царь остался недоволенъ и этой крайне осторожной бесѣдой и сдѣлалъ Кутузову выговоръ: „При самомъ отправленіи вашемъ къ вѣрбленнымъ вамъ арміямъ, изъ личныхъ моихъ съ вами объясненій извѣстно вамъ было твердое и настоятельное желаніе мое устраняться отъ всякихъ переговоровъ и клонящихся къ миру сношеній съ непріятелемъ“ (*).

Народъ отнесся къ походу французовъ, какъ къ новому нашествію, подобному монгольскому и въ лицѣ Наполеона видѣлъ новаго Чингисъ-хана. „Я доведу проклятыхъ французовъ, какъ въ прошломъ году турокъ до того, что они будутъ жечь лошадиное мясо“. Такъ говорилъ Кутузовъ и въ этихъ словахъ старый фельд-маршалъ выразилъ все народное воззрѣніе на врага. Такъ думалъ и поступилъ онъ, такъ думали и поступали всѣ русскіе, не считая безчисленныхъ жертвъ, которыя не избѣжны при народной войнѣ.

До какой степени вся Россія и ея правительство были проникнуты одной идеей о непріемлемости никакихъ соглашеній съ непріятелемъ видно изъ массы дѣлъ о подозрительныхъ лицахъ, возникшихъ послѣ 1812 г. Для патріотизма русскаго человѣка было предъявлено крайне высокое требованіе. Даже люди, вполне невинные, но позволившіе себѣ по необходимости войти въ сношенія съ французами подверглись строжайшему слѣдствію, а не рѣдко и осужденію.

Здѣсь умѣстно будетъ привести примѣръ такой строгости, граничащей съ жестокостью и несправедливостью. Безупречный русскій патріотъ, Вестужевъ-Рюминъ, хра-

нитель архива вотчиннаго департамента (нынѣ московскій архивъ Министерства Юстиціи), былъ обвиненъ въ измѣнѣ, лишенъ должности и пенсіи и умеръ въ глубокой бѣдности, хотя впоследствии сенатъ и оправдалъ его. Вся вина Вестужева-Рюмина заключалась въ томъ, что онъ при бѣгствѣ жителей изъ Москвы остался на своемъ посту и, испытывая вмѣстѣ съ семьей крайнія лишения, оберегалъ архивъ, въ которомъ были сосредоточены доказательства имущественныхъ правъ множества русскихъ землевладѣльцевъ. Трудно сказать, какая масса тяжбъ, несправедливостей, захвата чужихъ земель могла произойти въ случаѣ гибели этихъ документовъ. И казалось бы самоотверженнаго русскаго чиновника должна ожидать высокая награда и коллективная благодарность помѣщиковъ. Но онъ позволилъ себѣ написать письмо Наполеону, въ которомъ во имя принциповъ высшей справедливости и гуманности, убѣждалъ его обезпечить охраной архивъ, содержащій матеріальное благополучіе тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ людей и ихъ семей. За это вынужденное необходимою обращеніе къ непріятелю Вестужевъ-Рюминъ подвергся самому тяжелому для патріота обвиненію въ государственной измѣнѣ, трудно забыаемому даже въ случаѣ оправданія.

При такомъ непримиримомъ взглядѣ на проступки русскихъ, при такой требовательности, приравнивающей тяжчайшія жертвы къ простой обязанности, исторія „вѣрной“ Курляндіи выступаетъ еще выпуклѣе, характеризую нашу издавна принятую окраинную политику.

*) Высочайшій рескриптъ на имя кн. Кутузова 29 Сентября 1812 г.

II.

Занятіе Митава Французами.—Воззванія губернатора Сиверса.—„Французское“ Губернское Правленіе.—Его Предсѣдатель графъ Карлъ Медемъ-Кавалеръ Святѣя Анны 2-ой степени.—Записка Совѣтника Дидерихса.—Патріотическіе „подвиги“ Курляндцевъ.—Курляндскіе патріоты Данило Калининъ и Петрушка Булчакъ Et voilà comme on écrit l'histoire.

Въ военный планъ Наполеона входило, между прочимъ, движеніе на Петербургъ или, по крайней мѣрѣ, угроза сѣверной столицѣ для отвлеченія части арміи отъ центра. вмѣстѣ съ тѣмъ было необходимо и обезпечить лѣвый флангъ отъ возможнаго нападенія съ этой стороны русскихъ. Для этихъ цѣлей была предпринята оккупация Прибалтійскаго края, ограничившаяся, впрочемъ, одной Курляндіей.

По первоначальному плану Наполеона X-ый корпусъ маршала Макдональда, въ составѣ 7-ой пѣх. дивизіи барона Гранжана (поляки и вестфалды) и 27-й дивизіи ген. Граверта съ кавалеріей Массенбаха (пруссакки), — долженъ былъ по переходѣ черезъ Нѣманъ, двинуться на Россію и затѣмъ на Митава. Впослѣдствіи, однако, планъ этотъ былъ измѣненъ, и Макдональдъ получилъ приказаніе двинуться съ большей частью своихъ войскъ къ Западной Двинѣ, стараясь примкнуть къ лѣвому флангу главной арміи. Остальныя войска корпуса — двинулись на Ригу. Въ виду этого, дивизія Гранжана пошла на Якобштадтъ, а прусскій корпусъ тремя колоннами вступилъ въ Курляндію.

Въ ожиданіи нашествія непріятеля, Митава, т. е. ея населеніе, губернская администрація и городское самоуправленіе оставались совершенно спокойными. Шли не варвары, а просвѣщенные французы. Конечно, это спокой-

ствіе не могъ раздѣлять Курляндскій губернаторъ Ф. Ф. Сиверсъ. На его рукахъ былъ гарнизонъ, хотя и незначительный, казенныя деньги и военные припасы. О сопротивленіи не могло быть и рѣчи: оставалось перевозить все это въ ближайшую мѣстность — Ригу.

Съ 8 іюля Митава была занята прусскимъ отрядомъ ген. Граверта, безъ всякаго сопротивленія, такъ какъ „положеніе вещей не допускало общаго возстанія противъ непріятеля“. Ф. Ф. Сиверсъ, выступившій съ митавскимъ гарнизономъ въ Ригу, простился трогательно съ жителями, благодаря ихъ въ своемъ воззваніи за вѣрность. Одновременно онъ написалъ начальнику прусскаго отряда письмо, въ которомъ просилъ его оградить городъ и жителей отъ насилія и отнестись къ нимъ гуманно.

Но едва ли была какая-нибудь надобность въ этой просьбѣ: Митава приняла родныхъ по крови пруссаковъ съ такою преданностью новому господину, что „непріятелю“ рѣшительно не на что было жаловаться и оставалось только благодарить.

Главное управленіе Курляндіей раздѣлили между собою наполеоновскіе губернаторы (де-Шамбодуень и Монтиньи *), но вся исполнительная часть находилась въ рукахъ мѣстной администраціи, оказавшей французамъ полное содѣйствіе и всецѣло проникнувшей интересами новаго правительства. Всѣ указы отъ имени „Императора французовъ“ печатались на нѣмецкомъ языкѣ, въ типографіи курляндскаго губернскаго правленія и дѣтельно распространялись по уѣздамъ. Указы эти касались сбора военной контрибуціи (2 милл. рублей) и новаго устройства герцогства Курляндскаго, въ которомъ всѣ русскіе присутственныя мѣста упразднились и

* Аудиторы Наполеоновскаго Государственнаго Совѣта и „Кавалеры Почетнаго Легіона“.

замѣнялись другими, дѣйствовавшими отъ имени „Императора французовъ“. Давались указы казенной палаты о сборѣ съ крестьянъ недоимокъ, объ охотѣ, о правѣ ношенія оружія, объ управленіи казенными имѣніями и т. п.

Само губернское правленіе немедленно было преобразовано въ „Управленіе Герцогства Курляндскаго и Семигальскаго и Пильтенскаго Округа, при чемъ учреждены и новыя Курляндскія власти этого новоявленнаго „Французскаго Губернскаго Правленія въ Митавѣ“. 8-го іюля 1812 года Пруссаки вступили въ Митаву, а уже 12-го состоялся „указъ Императора Французовъ“ о новомъ составѣ мѣстной администраціи. Вице-Губернаторомъ или „Предсѣдателемъ Областного Правленія“ назначенъ мѣстный родовитый дворянинъ графъ Карлъ Медемъ—который какъ это ни странно—не усумнился даже прописать себя въ Наполеоновскомъ указѣ въ качествѣ «Кавалера Россійскаго Ордена Святыя Анны II-ой степени». Въ числѣ другихъ членовъ французской администраціи красовались также сплошь мѣстныя дворянскія имена, а именно: Совѣтники: фонъ Рюдигеръ и фонъ Шёппингкъ, Ассесоръ: фонъ Гольтей и Секретарь: Шульцъ. (Послѣдній повидимому изъ такъ называемыхъ „литератовъ“—принадлежащихъ къ непривилегированному балтійскому tiers-état). На указахъ всюду стала красоваться новый внушительный и пышный титулъ, на нѣмецкомъ языкѣ:

Указъ Его Величества Наполеона I Императора Французовъ, Короля Итали Протектора Рейнскаго Союза, Медіатора Союзныхъ Швейцарскихъ Кантоновъ и прочая, и прочая, и прочая!

А въ довершеніе всего, послѣ текста, слѣдовали не менѣе внушительныя подписи Вице-Губернатора графа Карла Медема, Кавалера Ордена Святыя Анны II степени, двухъ Совѣтниковъ, Ассесора и Секретаря. Словомъ „русскіе“ патріоты Курляндскаго происхожденія не износили еще башмаковъ, въ которыхъ чувствовали себя подданными Россіи, какъ уже превратились въ вѣрныхъ слугъ „Его Величества Императора Французовъ“.

Неприятель почувствовалъ себя сразу, какъ дома, и въ гражданской жизни Курляндіи не произошло въ сущности никакихъ значительныхъ переменъ.

А между тѣмъ даже знаменитый исторіографъ Отечественной войны Михайловскій-Данилевскій, въ I томѣ своей исторіи 1812 года старается особенно отгнѣнить какъ „страданія“ духовныя, такъ и матеріальныя жертвы, которыя „несчастная Курляндія“ принесла на алтарь любезнаго Отечества. Что касается „матеріальныхъ жертвъ“, то сюда прежде всего слѣдуетъ отнести тѣ два милліона военной контрибуціи, которые французскіе „интенданты“ Шамбодуэнъ и Монтиньи собрали съ мѣстнаго населенія при благосклонномъ содѣйствіи Предсѣдателя Областного Правленія графа Медема и присныхъ съ нимъ. Всѣ эти подписанные ими „Указы Императора Французовъ“, рассылаемые въ огромномъ количествѣ всему населенію, въ суровой и категорической формѣ требовали немедленной уплаты контрибуціонныхъ денегъ, при чемъ для ослушниковъ приподносилась довольно внушительная французская фраза: „sera puni de mort“, разрѣшавшая всякія сомнѣнія Латышей.

Неволью напрашивается сравненіе съ русскими городами, гдѣ французы едва находили даже переводчиковъ, чтобы писать свои обращенія къ русскому населенію, не говоря уже объ уѣздахъ; куда только появиться-

ся маленькимъ отрядомъ за фуражемъ, какъ его приходилось брать отъ русскихъ крестьянъ лишь силой. Представить же себѣ русскаго мужика, уплачивающаго „подати и недоимки“ „проклятому французу“—вещь совершенно невозможная. Но то патріотизмъ русскій, а то курляндскій.

Другого рода „матеріальныя жертвы“ являлись въ видѣ распредѣленія военной реквизиціи, наложенной на Курляндію Русскимъ Правительствомъ передъ началомъ войны. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно цѣннымъ документомъ является недавно найденная авторомъ настоящей статьи, въ одномъ изъ нашихъ архивовъ, интересная рукопись подъ заглавіемъ: „Записка о дѣйствіяхъ жителей Курляндской губерніи въ 1812 году и послѣ изгнанія непріятельскаго войска за предѣлы Государства *). Составлена она въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія Совѣтникомъ Курляндскаго Губернскаго Правленія Дидерихсомъ.

Это отчетъ о денежной стоимости предметовъ военной реквизиціи, исчисляемой въ 1.109,570 р. асс. Сумму эту утвердило губернское присутствіе по воинской повинности, какъ бы подлежащую возмѣщенію изъ казенныхъ средствъ, но назначенная Сенатомъ въ 1816 г. ликвидационная коммиссія сумму вознагражденія уменьшила до 711,993 р. асс., признавъ, очевидно, исчисленіе губернскаго присутствія преувеличеннымъ, а представленныя расписки сомнительными. Совѣтникъ Дидерихсъ и эту сторону дѣла, свидѣтельствующую о явномъ пристрастіи мѣстныхъ губернскихъ властей въ ариѳметическихъ вы-

*) Darstellung der Leistungen und des Benehmens der Einwohner des Kurländischen Gouvernements im Jahre 1812 und nach der Vertreibung der Feindlichen Heere aus den Grenzen des Reiches.

кладкахъ, касающихся казеннаго вознагражденія,—старается использовать, если не матеріально, то въ смыслѣ опѣнки патріотическаго духа курляндцевъ.—Сумму въ 397.577 р. асс., на которую ликвидационная коммиссія уменьшила курляндскій счетъ, предъявленный русской казнѣ, онъ считаетъ безспорно затраченной населеніемъ на военныя нужды Россіи и прибавляетъ къ ней еще стоимость поставки на подвижной магазинъ (лошади, подводы). Получается еще большая сумма въ 489.217 р., которая можетъ быть сочтена за добровольное пожертвованіе дворянъ и городовъ губерніи“.

Понятіе совѣтника Дидерихса о „добровольныхъ жертвованіяхъ“ весьма характерно. Разъ казна отказывается платить, то, конечно, недоплоченную сумму (признанную къ тому же сомнительной) приходится отнести за счетъ патріотической жертвы. Даже подчеркивается и то, что быки и водка, доставленные въ армію Витгенштейна, были „приняты за добровольное приношеніе“. Очевидно, и здѣсь не указывается на опредѣленное намѣреніе курляндскихъ дворянъ понести матеріальныя жертвы, а скорѣе съ нѣкоторымъ прискорбіемъ отмѣчается тотъ фактъ, что русская армія, получивъ курляндскихъ быковъ и водку, наивно думала, что они доставлены въ видѣ дара, отъ добраго сердца, какъ то было отъ русскихъ дворянъ, дѣйствительно жертвовавшихъ на войско щедрой рукой.

Не упускаетъ изъ виду составитель „Записки“ и того, что утвержденная къ вознагражденію сумма реквизиціи была уплочена въ долгій срокъ (однако, съ начетомъ процентовъ) и частью погашена арендой недоимкой по государственнымъ имуществамъ.

Не смотря на всѣ старанія, сумма расходовъ Курляндской губерніи, даже по расчету Курляндскаго губернскаго присутствія не превышаетъ 1.200,000 р. асс.

Это еще не оправдывает „бѣдствие жителей въ 1812 г.“ и потому „Записка“ смѣло заявляетъ, что губернія потратила на непріятельскій корпусъ въ видѣ контрибуціи, равныхъ реквизицій и на продовольствіе не менѣе 7.000,000 р., но эту цифру, конечно, никакими документами не оправдываетъ.

Чувствуя, однако, что все же въ сухомъ отчетѣ о затратахъ на русскую армію (да еще проникнутомъ явнымъ недовольствомъ, что казенное вознагражденіе было недостаточно и поступало медленно) не видно особой любви къ великой родинѣ, — совѣтникъ Дидерихсъ переходитъ къ самой интересной сторонѣ дѣла, къ учету патріотическихъ жертвъ и подвиговъ въ курляндскомъ населеніи, которыя должны вызвать не денежное вознагражденіе, а вѣчную признательность русскаго народа къ „вѣрной“ Курляндіи.

Эти подвиги, какъ мы сейчасъ увидимъ, весьма посредственнаго качества, какъ говорилось встарь; но для усиленнаго впечатлѣнія, которое они должны были произвести, „Записка“ увѣряетъ, что Манифестъ 6 іюля о всеобщемъ ополченіи не дошелъ до Курляндіи, и жители познакомились съ его содержаніемъ только позднѣе, черезъ газеты. Манифестъ вызвалъ „въ нихъ тяжелое чувство заглушаемой боли, такъ какъ слабыя силы населенія сдѣлали выполненіе Высочайшаго приказа невозможнымъ“.

Объясненіе это, достаточно правдоподобное (Курляндія окончательно была занята 8 іюля), имѣетъ цѣлью доказать, что: 1) „Подвиги“ совершены добровольно, а не по приказу, что повышаетъ ихъ цѣнность и 2) матеріальные убытки подлежатъ возмѣщенію казны, такъ какъ затраты не являются жертвой въ отвѣтъ на Высочайшій приказъ, о которомъ стало извѣстно лишь „изъ газетъ“.

Настроеніе курляндцевъ совѣтникъ Дидерихсъ описываетъ крайне трогательно: „Тяжело вздыхали жители Курляндіи подъ суровымъ гнетомъ врага, но дошедшая до нихъ горестная вѣсть о вступленіи непріятеля въ Мокву повергла ихъ, и безъ того уже удрученныхъ горемъ, еще въ большую скорбь. Чувство смертельной боли пронзило всѣ сердца, трепетавшія за родину, и опечаленные взоры обратились къ востоку въ надеждѣ, не блеснетъ-ли оттуда лучъ спасенія и — вскорѣ ударить часъ освобожденія“.

Совѣтникъ Дидерихсъ удѣляетъ всего нѣсколько словъ по поводу новаго управленія Курляндіей, дѣйствовавшего исправно въ теченіе 5 мѣс. оккупаціи. „Назначенныя туда лица должны были исполнять приказаніе непріятельскихъ властей. Поведеніе этихъ лицъ несомнѣнно доказываетъ, что они по честному убѣжденію посвящали свою службу не врагу, а отечеству.“ (Какому?)

Доказательства русскаго патріотизма Митавы, во время владычества французовъ, не чужды нѣкоторой доли комизма. Такъ, напр., „Записка“ упоминаетъ объ одномъ праздествѣ, вѣроятно, въ честь какой-либо наполеоновской побѣды. Освященный транспарантъ съ изображеніемъ французскаго орла „былъ выставленъ на одномъ общественномъ зданіи“. Сов. Дидерихсъ скромно умалчиваетъ, на какомъ именно зданіи, но дѣло идетъ, очевидно, о митавскомъ замкѣ. Едва поставленный транспарантъ, „этотъ символъ власти врага“, случайно упалъ и разбился въ дребезги. „Жители вывели изъ сего хорошее заключеніе — этотъ рѣдкій случай передавался изъ устъ въ уста, и въ боязливыхъ душахъ зарождалась живительная надежда на близость часа освобожденія“. Другое, болѣе серьезное доказательство патріотизма сов. Дидерихсъ

видитъ въ томъ, что въ храмахъ всей страны всенародно, по воскреснымъ днямъ съ кафедры возносились молитвы за Царя и царствующій домъ. Никакія угрозы, врага, будто бы, въ этомъ случаѣ не дѣйствовали. Извѣстіе это, однако, кажется намъ сомнительнымъ, ибо трудно себѣ представить, чтобы, покорившись во всемъ остальномъ ведѣніямъ непріятеля, „боязливыя души“ вдругъ оказались столь дерзкими предъ его величествомъ императоромъ французомъ, отъ имени котораго разсылались указы ко всему курляндскому населенію за подписью анненскаго кавалера гр. Медема и совѣтника Рюдигера.

Переходимъ, однако, къ перечню патриотическихъ дѣлъ Митавы. Приближеніе непріятеля вызвало необходимость въ перевозкѣ въ Ригу казенныхъ денегъ, хранившихся въ Митавскомъ замкѣ, мѣдной монеты въ сумму 236,126 р. Подводы были заняты подъ доставку провіанта, и потому были назначены торги. Наименьшая предложенная сумма опредѣлилась въ 1,771 р. асс. Тогда внезапно выступилъ *нѣкій митавскій купецъ 2-ой гильдіи* съ предложеніемъ доставить мѣдную монету въ Ригу на своихъ судахъ совершенно безвозмездно. Этотъ патриотъ былъ награжденъ въ послѣдствіи золотой медалью на Анненской лентѣ. Совѣтникъ Дидерихсъ справедливо замѣчаетъ, „что, такимъ образомъ, эта значительная сумма была сохранена государству“, но онъ лучше бы сдѣлалъ, вовсе умолчавъ объ этой патриотической жертвѣ: митавскаго купца, выказавшаго столь большое безкорыстіе и любовь къ родинѣ, — звали „Данило Калининъ“!

Не забыта „Запиской“ и жертва незаконнаго приговора непріятельскаго суда: уроженецъ Якобштадта, 50 лѣтъ отъ роду, „принялъ смерть за вѣрность и преданность своему отечеству“. Но звали этого невинно-погибшаго Курляндца: „Петрушка Булгакъ!“

Подвиги курляндцевъ, но уже не съ русскими фамиліями, являются значительно менѣе опасными для жизни и кармана, хотя сов. Дидерихсъ не поспешилъ на громкія слова. Отставной ротмистръ Вальтеръ фонъ-Клопманъ принялъ подъ свою защиту нѣсколько русскихъ воиновъ послѣ битвы при Экау и не выдалъ ихъ непріятелю, а отправилъ тайно въ Ригу. Торговый старшина *Германъ Бой* спряталъ 10,000 р. асс. питеино-акцизнаго сбора и въ послѣдствіи доставилъ ихъ въ казну. *Генрихъ фонъ Будбергъ* „имѣлъ смѣлость разбить отдѣльную шайку мародеровъ“, защищая отъ нихъ свое имѣніе и не пострадалъ отъ непріятельскихъ влостей, благодаря только „распущенности того времени“. Городская гвардія въ Митавѣ и Либавѣ сохранила свои штандарты и *оружье*, которые, вѣроятно, непріятель и не имѣлъ въ виду отнимать, ибо съ этой „гвардіей“ ни въ какія столкновенія не приходилъ.

Всѣ эти славныя дѣянія не остались, конечно, безъ награды отъ благодарной Россіи.

Далѣе, послѣ общихъ соображеній и выраженій патриотическаго чувства, „Записка“ приступаетъ, наконецъ, къ перечисленію громкихъ дѣлъ, совершенныхъ въ пользу Россіи, „дорогого отечества“, курляндскими уроженцами.

Многіе представители курляндскихъ фамилій сражались въ русской арміи и „умирали въ жестокихъ бояхъ геройскою смертью за великую родину“. Это, конечно, имѣетъ свое основаніе, но курляндское или вообще остзейское происхожденіе нѣкоторыхъ нашихъ военачальниковъ не представляетъ еще доказательства „русскаго“ настроенія всей Балтійской окраины. Такъ напр., изъ дѣятелей того времени, маркизъ Пауллучи, назначенный Прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ въ октябрѣ 1812 года, выказалъ дѣйствительную при-

верженность новому отечеству, но, конечно, не вследствие своего итальянского происхождения, и его преданность Россіи не свидѣтельствуетъ еще о русскихъ симпатіяхъ, которыми была проникнута Италия, шедшая въ тоже время на Россію въ числѣ „двадцати языкѣ“.

III.

Лифляндія въ 1812 году.—Рига.—Лифляндское ополченіе. Латышскій казачій полкъ.—Плачевная судьба лифляндскаго ополченія.—Отзывы Сиверса и Маркиза Паулуччи. Курляндскія „дѣйства“ передъ Комитетомъ Министровъ. Рескриптъ маркизу Паулуччи и забвеніе Курляндской измѣны.

Какъ извѣстно, за все время кампаніи 1812 года Рига и вся Лифляндская губернія въ рукахъ непріятеля не находились. Въ первыхъ числахъ іюля, одновременно съ занятіемъ Митавы, Прусскій отрядъ подъ начальствомъ ген. Граверта, атаковалъ войска ген. Левиза, высланнаго Эссеномъ изъ Риги. Послѣ упорнаго боя войска эти съ сильными потерями вернулись въ Ригу. Прусскія войска расположились по рѣкѣ Миссѣ, протянувъ свою линію влѣво до Шлока, а вправо до острова Дагенгольма на Двинѣ, занятаго ими 10-го іюля. Появленіе пруссаковъ на правой сторонѣ Двины у Кирхгольма, въ 15 верстахъ отъ Риги, вызвало ген. Эссена, благодаря преувеличенному донесенію о появленіи непріятеля близъ Риги, къ послѣдному распоряженію съечь Петербургскій и Московскій форштаты города. Но этимъ и ограничилась вся „блокада“ Риги, которая, повторяемъ въ 1812 году все время оставалась въ нашей власти.

Высочайшій Манифестъ о формированіи ополченія въ Ригу дошелъ безпрепятственно и Лифляндія рѣшила также выставить ополченіе.

Въ особую заслугу ставится сформированіе въ Лифляндіи дружины ополченцевъ-казаковъ. Не говоря уже о томъ, что рѣчь здѣсь идетъ уже не о Курляндіи, самая исторія этого латышскаго ополченія едва ли не свидѣтельствуетъ именно о слабой способности „преданнаго Россіи Остзейскаго края“—стать серьезно на защиту общей родины. До Лифляндіи, конечно, Манифестъ 6 іюля дошелъ безпрепятственно, но и самъ историкъ—Михайловскій-Данилевскій, старающійся всѣми средствами противопоставить вѣрность Прибалтійскихъ губерній мятежной Польшѣ и Литвѣ, пишетъ, что лифляндское дворянство пожертвовало 3.095,000 р. „какъ добровольными приношеніями, такъ и по приказанію начальства“.

Что же представляли собою эти „казаки“ латышскаго происхожденія? Въ 1813 г. маркизъ Паулуччи, донося императору о состояніи лифляндскаго ополченія, говоритъ, что не смотря на постоянный надзоръ гр. Сиверса и строевое ученіе подъ руководствомъ майора Радожицкаго, при помощи 12 унтеръ-офицеровъ изъ кавалерійскихъ полковъ, „всѣ средства, какія были предпринимаемы на доведеніе сего полка, по крайней мѣрѣ, на посредственную степень совершенства казачьей службы,—остались безуспѣшны, и расположеніе онаго въ самыхъ выгодныхъ мѣстахъ, началью въ Лифляндіи, а потомъ въ Курляндіи, нисколько не способствовали достигъ предполагаемой дѣли“¹⁾. „Сей полкъ найденъ не только не способнымъ ни къ какому употребленію по службѣ, но даже неимѣющимъ начальнаго основанія, приличнаго полку, и всѣ части онаго въ совершенномъ неустройствѣ“.

1) Всеподданнѣйшій рапортъ маркиза Паулуччи отъ 15 марта, 1813 г.

Часть этого ополченія сдалась военнопленными, часть перешла въ лагерь непріятеля побѣгами, а остальная лежала по госпиталямъ и умерала отъ холода и другихъ лишеній, вслѣдствіе крайней незаботливости лифляндскаго дворянства. Никакія усилія со стороны Курляндскаго губернатора Сиверса, съ цѣлю побудить лифляндское дворянство выдать ополченію рубахи, сапоги, рукавицы, полшубки и проч. не привело ни къ какому результату“ (Рапортъ Ф. Ф. Сиверса маркизу Пауллучи 11 февр. 1813 г., № 68).

Командиръ Митавскаго баталіона майоръ Кильхенъ объясняетъ все это иначе, а именно—неспособностью латышей къ военной службѣ. Онъ подалъ Сиверсу записку, изъ коей явствуетъ: „сколько латыши склонны къ побѣгу и сколь трудно исправить въ нихъ предразсудки противъ воинской повинности, даже и тогда, когда они получаютъ хорошую одежду и сытную пищу“. Часть латышскихъ казаковъ бѣжала тайно, а часть даже взбунтовалась.

Дворянство Лифляндской и Курляндской губерній, чувствуя, что ополченіе, имъ сооруженное, нигуда негодится и вѣстѣ съ тѣмъ не желая болѣе жертвовать на алтарь отечества, убѣдило маркиза Пауллучи войти съ ходатайствомъ къ Государю о расформированіи ополченія. Мотивы этого ходатайства, конечно, самые благородные. „Не недостатокъ патріотизма, не прямая привязанность ихъ (остзейскихъ дворянъ) къ государству“ — заставляетъ просить объ облегченіи рекрутской повинности, уменьшеніи налоговъ и даже о томъ, чтобы дворянство вовсе было избавлено отъ поставки рекрутъ, но то обстоятельство, что „изъ опытовъ видно, что послѣ всякаго набора госпитали наполняются сими людьми“.

Гр. Сиверсъ, на рукахъ котораго очутилось все это

пресловутое ополченіе, тщетно взывалъ и къ рижской ландратской коллегіи и къ лифляндскому дворянству, указывая, что „въ ополченіе отданы были 50-ти и 60-ти лѣтніе старики“, и что „люди—голые, страдающіе отъ киль, струпеивъ, калѣки“, а лошади—„престарѣлыя клячи“ (Донесеніе Сиверса рижскому военному губернатору. II, 12).

Съ 10 января 1813 г. до расформированія лифляндскаго казачьяго полка Сиверсъ содержалъ его на собственный счетъ, „употребивъ на то не только свое жалованье, но и арендныя деньги, отъ щедротъ Вашего Императорскаго Величества получаемыя, обременивъ чрезъ это себя сверхъ того еще и значительными долгами“. (Всподданнѣйшій рапортъ Сиверса 28 октяб. 1812 г.).

Тотъ же гр. Сиверсъ ставитъ на видъ остзейскому дворянству патріотизмъ Петербургской губерніи, выставившей „десятого человѣка, весьма хорошо одѣтаго и вѣзмъ снабженнаго“.

Можно было бы привести и примѣръ Новгородской губерніи, въ которой дворянство обязалось содержать слѣшкомъ 16 т. ополченцевъ въ теченіе года, при чемъ новгородское купечество съ своей стороны пожертвовало на это дѣло 200,000 р.

Такимъ образомъ, „о подвигѣ курляндцевъ“, служившихъ въ лифляндскомъ ополченіи, едва ли нужно было поминать совѣтнику Дидерихсу въ своей патріотической „Запискѣ“ о бѣдствіяхъ курляндскихъ жителей въ 1812 г. Хотя вслѣдствіе лифляндскаго „патріотизма“ ополченіе дѣйствительно крайне бѣдствовало, но во всякомъ случаѣ не по винѣ непріятеля.

Вся исторія лифляндскаго ополченія представляетъ борьбу Сиверса съ полнымъ равнодушіемъ рижскаго ландтага и остзейскаго дворянства къ нуждамъ

„казаков“, терпѣвшихъ не менѣе, чѣмъ остатки „великой арміи“ Наполеона при обратномъ шествіи изъ Россіи.

Остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ отнеслось правительство къ курляндскому патриотизму, выразившемуся въ полной покорности Наполеону.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы русскіе чиновники служили непріятельскимъ властямъ съ такою же преданностью, какъ то сдѣлали курляндскіе, ихъ отдали бы подъ судъ и осудили бы въ государственной измѣнѣ безъ всякаго снисхожденія. Но съ курляндскими „патриотами“ дѣло обстояло иначе.

Комитетъ министровъ по докладу гр. Аракчеева, разсмотрѣвъ дѣло о курляндскихъ дворянахъ Корфѣ и Медемѣ, бывшихъ членами учрежденнаго непріателемъ въ Курляндіи правительства, нашель, что эти дворяне только въ такомъ случаѣ заслуживаютъ наказаніе, если дѣйствовали не по принужденію, а по преданности непріателю. Для удостовѣренія, въ руководившихъ этими лицами побужденіяхъ, комитетъ предложилъ весьма оригинальный способъ: вызвать Корфа и Медема въ Петербургъ и „поведеніе ихъ изслѣдовать здѣсь“. А между тѣмъ извѣстно, что Курляндія находилась во власти непріятеля до 8-го декабря 1812 года *).

Вызовъ этотъ едва ли состоялся, такъ какъ вскорѣ послѣдовалъ Высочайшій указъ объявлявшій однимъ изъ курляндскихъ жителей монаршее благоволеніе, а другимъ всеобщее прощеніе.

Дѣло предано забвенію и кому либо его возобновлять запрещено (Высочайшій указъ рижскому военному губернатору отъ 31 дек. 1812 г.).

*) Журналъ комитета м-ровъ 21 сентября 1812 г.

Такъ закончилась къ полному благополучію „вѣрной Курляндіи исторія о ея бѣдствіяхъ въ 1812 г. и о томъ, какъ митавское губернское правленіе издавало указы отъ имени императора французовъ“.

ФУНДАМ. БИБЛИОТЕКА
Военно-Технической Академии
РККА им. Дзержинского

Д. 8